

"Одесса-мама" Владимира Жаботинского

Предисловие Любы Юргенсон
к французскому изданию романа "Пятеро"¹

"Талант — единственная новость"

Вначале несколько дат. В 1936 году в Париже был издан роман Владимира Жаботинского, написанный им на русском языке. В 2000 году одесское издательство "Друк" познакомило наших земляков с этой книгой, которую можно причислить к классике "одесской литературы". В 2005 году роман вышел в переводе на английский язык. В 2006 — на французский. И это стало событием в мировом литературном процессе, так как книга не только не устарела, но и опередила свое время.

По просьбе Всемирного клуба одесситов переводчику на французский язык помогал наш земляк Михаил Обуховский.

Нет, речь не идет о мистификации: Владимир (Зеев) Жаботинский, лидер и теоретик сионизма, действительно автор романа "Пятеро", так же как и романа "Самсон Назорей", и многочисленных рассказов.

Как совместить эти два образа? С одной стороны, человек, который с 1903 года, после погрома в Кишиневе, выбрал своей судьбой сионизм и участвовал в организации отрядов самообороны в Одессе, потом, во время первой мировой войны, создал еврейский легион в составе британской армии в Палестине, ядро будущей Армии обороны Израиля. С другой стороны — блистательный фельетонист Altalena, своим остроумием и красноречием восхищавший читателей "Одесских новостей" в начале XX столетия. Основатель движения сионистов-ревизионистов и — эрудит, которого Корней Чуковский позволил себе сравнить с пушкинским Моцартом и даже "с самим" Пушкиным. "От всей личности Владимира Евгеньевича шла какая-то духовная радиация", — вспоминал Чуковский о своем гимназическом друге. Создатель еженедельника "Ha-Zohar"² и в то же время

¹ Vladimir Jabotinsky "Les Cinq", Edition des Syrtis, Paris, 2006. Перевод с русского Жак Эмбер (Jacques Imbert). Люба Юргенсон (Luba Jurgenson) — доцент кафедры русской литературы в Сорбонне, Paris IV (здесь и далее примечания переводчика французского "Предисловия").

² До 1924 года "Ha-Zohar" ("Восход") издавался в Берлине, затем в Париже, где стал впоследствии центральным органом сионистов-ревизионистов.

Жаботинский-денди, холодная, но лучезарная учтивость которого так восхищала прозаика Михаила Осоргина.

Совершенно не обязательно быть последователем идей Жаботинского, чтобы оценить этот роман. "Пятеро" — истинное произведение искусства. Некоторые его страницы относятся к самым замечательным в русской литературе — как, например, воссозданная рассказчиком исповедь умершей героини.

Тем не менее, существует некая точка, в которой Жаботинский — политический деятель встречается с писателем Жаботинским. Его еврейский национализм, который стоил ему даже обвинения в фашизме, так же как и его европеизм, имели одно и то же происхождение: романтическую культуру, полученную в наследство от немецких и польских мыслителей. Именно из философских течений, порожденных этой культурой, выросла его вера в "естественный национализм". Любая нация представляется как организм, наделенный коллективным сознанием, передающимся из поколения в поколение.

В 1935 году Жаботинский предпринимает воображаемое путешествие в Одессу, в город, где он появился на свет пятьдесят пять лет тому назад. Во времена, когда под пером Жаботинского рождались эти воспоминания, национал-социалистическая Германия приняла Нюрнбергский закон³, а советская Россия шла к Великому террору. В те же времена сионизм переживал кризис, который и привел его к расколу. Жаботинский создает тогда новую сионистскую организацию, которая просуществовала до 1946 года.

Убежденный в том, что нацизм в Германии и "режим полковников" в Польше⁴ угрожают самому существованию европейских евреев, Жаботинский-политик своей главной задачей видит перемещение еврейского населения из Европы в Палестину, сделав отныне "сионизм" синонимом слова "спасение".

Что касается Жаботинского-писателя, то он восхвалял мир европейского еврейства, тот мир, каким он существовал в южной России до погромов и революций начала XX века.

Сионист Жаботинский придавал исключительную важность возрождению иврита, — без него будущее Еврейское Государство было бы невысказанным. И тем не менее, для воссоздания ностальгической и щемящей кар-

³ В сентябре 1935 в Нюрнберге, на съезде национал-социалистической партии было принято антиеврейское законодательство.

⁴ В мае 1939 года в Польше к власти пришли военные во главе с маршалом Рудзь-Смигли (Rydz-Smigly) и полковником Бек (Beck).

тины последних лет исчезнувшего мира, вскорости поглощенного новым советским государством, полиглот Жаботинский избрал язык его детства, русский язык.

Речь идет о русском языке довольно специфическом, вовсе не о том, на котором говорят и пишут в Санкт-Петербурге и в Москве, но о языке Одессы, заимствовавшем нестандартные обороты из языков идиш, польского, греческого, украинского. Язык этот, неотрывный от солнечного и игрового начала с его сильным карнавальным элементом, делает из города на берегу Черного моря культурный анклав на территории империи и, что особенно важно, — миф.

Если о Киеве говорят, что он "мать городов русских", то за Одессой сохранилось ласковое имя "мама", но нет, не России конечно, а проходимцев и жуликов всех сортов. Она — главный герой бесчисленных анекдотов. Одесса — это южная изнеженность и беззаботность, рафинированный дендизм на фоне южной экзотической зелени, коктейль различных культур.

Основанный Екатериной Великой, город-порт принимал многочисленные группы населения, не допускавшиеся в другие города Российской Империи: беглые крепостные, иностранцы, евреи. Один из самых больших городов России, Одесса была также и наиболее терпимой, наиболее космополитичной, сохраняя память о своих правителях XIX века, иностранцев в своем большинстве (первый из них, герцог де Ришелье, французский эмигрант, почитаемый и сегодня как настоящий отец города).

Все это привело к тому, что "потешный" — по словам Жаботинского — город говорит на особом наречии, о красочности которого можно судить по рассказам Бабеля и романам Валентина Катаева, Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Эти же обстоятельства наделили город и своеобразным отношением к истории. Город, сочетающий восточную тягу к роскоши и русскую самоиронию с французским умением жить. Это город реализованного счастья. Ему нечего ждать ни от революционной утопии, ни от ностальгического вздыхания по ушедшей России. Одесса — это целостный мир со своими собственными законами. После революции она потребует подобающее ей место в новой культуре. Более того, она отметит эту культуру своей печатью. Одесские выражения хлынут в советскую литературу — ибо звучащие в них непохожесть и разнообразие окажутся наиболее точным выражением двойственного отношения писателей-попутчиков к революции. Одесса предлагала счастливую альтернативу постреволюционному кошмару 20-х годов, сталинскому ужасу 30-х.

Одесский язык, отмеченный вольностями в отношении нормы, нашипи-

гованный заимствованиями, был до революции местным наречием внутреннего употребления. Однако одесские интеллектуалы говорили на рафинированном русском языке. Нужно было дождаться поколения писателей, черпающих вдохновение в революционных событиях и в реалиях советской жизни, чтобы этот жаргон начал распространяться. Он был пересыпан советизмами, и его изощренный синтаксис обогащался штампами новояза.

Ничего этого, естественно, у Жаботинского нет, русский язык его удивительно чист, как и у большинства русских авторов в эмиграции. Написанный в эпоху, когда рассказы Бабеля были уже хорошо известны русскому читателю и восприняты часто как профанация литературного языка, роман "Пятеро" остается в своей лексике верным Одессе начала века. Одесский "диалект" в романе был избавлен от пропагандистских клише и фольклора нэпа. Это была Одесса уютная, душевная, которая в романе раскрывалась во всей своей восторженной топографии памяти и забвения, где улицы, площади и кафе являются читателю на фоне берега или моря и где нет различия между природой и тем, что создал человек, — настолько пейзажу самому по себе нравится быть декорацией в этом спектакле.

Этот роман мог бы называться "Последние дни Одессы" или "Хроника одного исчезновения". Безусловно, Одесса вечна. Но революция сломала этот еврейский мир, патриархальный и интеллектуальный. Мир этот, воплощенный в романе семьей Мильгром, попавшей в круговорот событий, сползает постепенно к трагической развязке или полной ассимиляции.

Пять братьев и сестер: "шалопай" Сережа, недалекий Марко, революционерка Лика, интеллектуал Торик, и наконец — красавица, дерзкая неповторимая Маруся — каждый по-своему переживает смятение и упадок, которые царствуют в начале века. Их история переплетается с историей России и русского еврейства. Не происходит ли то же самое и в романе Булгакова "Белая гвардия", где разрушение русского патриархального мира показано в виде семейной хроники? Соединение элементов уходящего мира наиболее наглядно проступает на примере родовых связей. Их распад под действием социальных изменений является более болезненным, чем разрушение физическое. Решающий удар этому миру будет нанесен в романе "Пятеро" камнем символическим, а не реальным, — ребенком, на котором основывалась надежда родителей⁵.

Тем не менее, так же, как и Булгаков, Жаботинский далек от декадентской поэтики, от эстетики "конца века". Вот что он сам говорит по этому поводу: "(...) эпохи распада иногда самые обаятельные эпохи. А кто знает:

⁵ Речь идет о решившем креститься Торике.

может быть, и не только обаятельные, но и по-своему высокие? Конечно, я в том лагере, который взбунтовался против распада, не хочу соседей, хочу всех людей разместить по островам; но — кто знает? Одно ведь уж наверно доказанная историческая правда: надо пройти через распад, чтобы добраться до восстановления. Значит, распад — вроде тумана при рождении солнца..."⁶.

За этим восхвалением упадка чувствуется человек действия. Его Одесса противопоставлена символистской культуре Санкт-Петербурга, которая видит в конце Империи Российской "remake" (повторение) падения империи Римской и, как следствие, разрушение культуры.

Литературное путешествие Жаботинского за пять лет до смерти в его родной город не имеет ничего общего с визитом в "потусторонний мир". Нерушимая Одесса остается живым организмом, несмотря на личные и исторические драмы, которые в ней разыгрываются и в которых всегда есть что-то от театральных трагедий.

Вовсе не случайно, что роман начинается сценой в театре. Одесса должна всегда находиться в "первом ряду", даже если спектакль этот — восстание, вспыхнувшее на борту броненосца "Потемкин", событие, всколыхнувшее всю Россию, которое герои романа наблюдают в "прямой трансляции" с высоты обрыва над морем. Конечно, от романа веет, если использовать выражение Анны Ахматовой, "пятым актом". И, тем не менее, декорации и маски этого представления отказываются принять участие в пляске смерти петербургских персонажей: в Одессе даже апокалипсис принимает облик карнавала. Это определено самой Одессой: "Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любимо. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур всерьез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну сего мира: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга: может быть, он прав, а может быть, и нет, убиваться не стоит"⁷.

Не Одесса ли — насмешница, позволила Жаботинскому как настоящему художнику самоотстраниться от своих собственных политических оценок? Двойственная позиция писателя и мыслителя, не прекращающе-

⁶ Приводится по тексту: В. Жаботинский. "Пятеро", стр. 187. Изд. "Оптимум", Одесса, 2003.

⁷ Там же.

го призывать евреев диаспоры отправиться в Палестину, напоминая одновременно об их роли в создании Европы, отражает отчасти сложную историю самого сионизма.

Еврейское Просвещение как наследник Хаскалы является отдаленным эхом потрясений, вызванных Французской революцией, сделавших постепенно евреев Западной Европы полноценными гражданами. Проект создания Еврейского Государства, узаконенный историей, является, тем не менее, одним из последствий эмансипации, обратная сторона которой означала полную ассимиляцию, отречение от еврейской идентичности и растворение внутри принявшей (евреев) культуры. Чтобы избежать этой опасности, сионизм Жаботинского, одна из граней европейского романтического национализма, предлагает решительный разрыв с космополитизмом, бывшим составной частью этой идентичности.

Однако Жаботинский никогда не отвергал европейскую культуру. Именно для того, чтобы остаться европейцами, евреям следовало, согласно с его теорией, покинуть Европу. Новая национальная культура, создаваемая на земле Израиля, могла быть только европейской культурой. "Пересадка" должна была совершиться ценой отказа от Европы географической, отказа от территорий рассеяния, где кажущиеся благополучие и спокойствие обернулись для евреев гибелью на протяжении XX столетия. Вырвать с корнем Европу из Европы, спасти европейское наследство, задушенное тоталитаризмом, — такова, возможно, была миссия вымечтанной Жаботинским Одессы, хранителем которой он оказался.

В некотором смысле роман "Пятеро" может быть прочтен как письмо умершей героини, чудесным образом воссоздающее Одессу в ином месте, еще не обретшем географической реальности, но уповающим на воплощение.

Париж

